Нагорный Карабах через год после войны: мир, перемирие или ожидание нового столкновения?

Сергей Маркедонов

Резюме

10 ноября 2020 года президенты России и Азербайджана Владимир Путин и Ильхам Алиев, а также премьер-министр Армении Никол Пашинян выступили с совместным заявлением, в котором объявили «о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта». Подписанию этого документа предшествовали сорок четыре дня вооруженного противостояния и несколько сорванных попыток его дипломатического урегулирования. Таким образом, 2020 год в истории Кавказа будет навсегда зарифмован со словом Карабах.

Содержание

1 Геополитические реконфигурации
2 Внутриполитические аспекты: Азербайджан
3 Внутриполитические аспекты: Армения
4 Россия – главный медиатор
5 Выводы

Очередное военное столкновение в Нагорном Карабахе радикально изменило баланс сил между Арменией и Азербайджаном. Но стали ли Ереван и Баку за это время ближе к миру и урегулированию застарелого этнополитического конфликта? Появились ли надежды на то, что в обозримой перспективе Кавказ будет ассоциироваться не только с войнами, конфликтами и беженцами, а с перспективными социально-экономическими проектами, открытостью, свободным передвижением людей различных национальностей? Ответы на эти вопросы следовало бы начать с рассмотрения изменений, которые произошли на Кавказе по итогам второй карабахской войны.

Геополитические реконфигурации

В ноябре 2020 года по итогам военных действий в Нагорном Карабахе был сломан военно-политический статус-кво, существовавший на протяжении двадцати шести лет.[1] Азербайджан добился реванша. До начала второй карабахской войны в сентябре 2020 года Баку не контролировал порядка 13% своей территории.[2] По окончании прошлогодней военной кампании под азербайджанский контроль перешли семь районов, примыкающих к бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (в Армении их именовали «поясом безопасности»). Национальная армия Азербайджана также овладела некоторыми частями самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики (второй по численности город Шуша, а также Гадрутский, части Мардакертского и Мартунинского районов). Более того, после этого военные Азербайджана стали регулярно проникать на территорию собственно Армении (южные области Сюник и Гехаркуник), а затем и вовсе установили свой КПП на трассе Горис-Капан, апеллируя к картам советского периода, когда анклавы Азербайджанской ССР имелись на территории Армянской ССР, как, впрочем, и наоборот.

Решив военные задачи, Азербайджан начал социально-экономическое восстановление возвращенных территорий, которые он именует деоккупированными. 6 сентября 2021 года первые пробные рейсы из Баку принял построенный международный аэропорт в Физули, а 26 октября состоялось его открытие с участием президентов Ильхама Алиева и Реджепа Тайипа Эрдогана. Этот объект был возведен в рекордно короткие сроки, менее, чем за год. Еще два аэропорта планируется построить в Зангеланском и Лачинском районах. Символично, что в Шуше, то есть именно на карабахской территории 15 июня 2021 года президенты Азербайджана и Турции Ильхам Алиев и Реджеп Тайип Эрдоган подписали двустороннюю декларацию о союзнических отношениях, выводящих стратегическое сотрудничество двух стран на новый уровень. Азербайджанские власти всячески подчеркивают, что не допустят в перспективе никакого пересмотра статуса деоккупированных районов.

Однако успех Азербайджана неполный. Баку не смог окончательно сокрушить НКР. В территориально урезанном виде инфраструктура непризнанной республики по-прежнему существует. Там нет азербайджанских военных, полицейских, управленческих структур, в казну не поступают налоги, учебные программы проводятся по учебникам и образовательным стандартам Армении. Там же действует армянская платежная система и даже военные формирования.

Согласно официальным заявлениям Азербайджана (например, сообщение для прессы Министерства обороны от 11 августа 2021 года), полной демилитаризации НКР не произошло.

С ноября 2020 года Баку попал в двоякую зависимость. *Во-первых*, на территории Азербайджана разместились российские миротворцы. Ранее их присутствия там не было (как и других контингентов по поддержанию мира). Если бы миротворческая операция не была развернута, а военное противостояние продлилось бы еще хотя бы несколько дней, азербайджанские войска, не исключено, овладели бы столицей непризнанной НКР Степанакертом/Ханкенди и смогли бы закончить кампанию полной ликвидацией самопровозглашенного образования. В течение последующего года российские военные (а также сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям) смогли провести разминирование территорий, помочь в восстановлении объектов местной инфраструктуры. Представители РФ с первого дня миротворческой миссии активно участвуют в возвращении населения Нагорного Карабаха к мирной жизни. Не пытаясь при этом форсировать вопрос о его особом статусе. Таким образом, армянское население по-прежнему доминирует в численном составе жителей редуцированной непризнанной НКР, связи с Ереваном сохраняются, де-факто органы власти (президент, правительство, парламент) функционируют, а миротворческий контингент гарантирует невозобновление военных действий.

Во-вторых, война 2020 года усилила зависимость Азербайджана от Турции, которая с помощью поставок современного вооружения, военных советников и содействия в планировании операций помогла сокрушить армянские силы. Сейчас Анкара пытается включить Баку в игру по признанию Турецкой республики Северного Кипра и в кооперацию с Пакистаном на Среднем Востоке в целом и на афганском направлении в частности. Но светский Азербайджан опасается втягивания в альянсы с исламистским идеологическим уклоном. Более того, укрепление союзничества с суннитскими державами опасно межконфессиональным противостоянием внутри Азербайджана, где шииты составляют большинство, несмотря на набирающие обороты процессы суннитизации.

Армения в сложившихся условиях фактически отказалась от своих максималистских устремлений. Бороться за возвращение «пояса безопасности» самостоятельно Ереван не в состоянии, а внешнюю поддержку для этого он не сможет получить ни от России, стратегического союзника, ни от Запада. В то же время Армения нацелена на решение двух принципиальных задач: 1) сохранение в

переговорной повестке вопроса о статусе Нагорного Карабаха и 2) полноценную демаркацию госграницы с Азербайджаном. За это же, по сути, выступают и сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция), хотя наиболее вопрос о статусе артикулирует Париж. Для Москвы гораздо важнее решить проблему делимитации и демаркации границы и восстановления транспортных коммуникаций между двумя республиками.

Таким образом, окончание военных действий в ноябре 2020 года не завершило армяно-азербайджанский конфликт. Оно его трансформировало. Место Карабаха, как его центрального элемента занял «пограничный вопрос». За весь тридцатилетний период после распада СССР границы между двумя республиками не демаркировались и не делимитировались. Во времена Советского Союза существовали анклавы, которые в ходе военных действий 1990-х годов «зачищались» конфликтующими сторонами. После того, как Кельбаджарский район в ноябре-декабре 2020 года перешел под контроль Баку, азербайджанские военные и пограничники вышли на новые рубежи (это юг Армении). Ереван же, напротив, потерял «пояс безопасности», отделявший его и Карабах от собственно Азербайджана.

В повестку дня встал вопрос, как организовать межгосударственное размежевание. Эту ситуацию Азербайджан пытается использовать, как рычаг давления на проигравшую Армению. Цель троякая. С одной стороны, Баку заинтересован в отказе Еревана от дипломатической борьбы за статус Карабаха. С другой – в скорейшем разблокировании транспортных коммуникаций, расширении торгово-экономических связей с Турцией, Россией и Ираном. С третьей – получить хотя бы символическое приращение территории за счет «ядровой Армении», это вопрос престижа для Баку, переживавшего на протяжении тридцати лет национальное унижение. Поэтому наряду с южным направлением инциденты имели место также на границе Армении с азербайджанским эксклавом Нахичевань и на севере (Тавуш).

Фактически главную роль медиатора в урегулировании пограничных споров играет Москва. Но она ограничена в своих действиях. Однозначная поддержка Армении может привести к постановке в Баку вопроса о правомерности пребывания российских миротворцев в Карабахе. Переход на сторону Азербайжана также невозможен, учитывая членство Армении в ОДКБ и союзнические обязательства Москвы. В настоящий момент обе конфликтующие стороны не ставят под сомнение российское посредничество в разрешении «пограничного спора». Если говорить о возможных последствиях, то, в обозримой

перспективе нестабильность на армяно-азербайджанской границе сохранится. Баку чувствует уверенность в своих силах. И будет сочетать элементы военного давления с призывами к миру и переговорам. При этом руководство Азербайджана не заинтересовано в открытом разрыве с Россией, поэтому будет стараться держать свой прессинг под контролем, не позволяя военным втягиваться в масштабные эскалации.

Внутриполитические аспекты: Азербайджан

Для двух обществ, азербайджанского и армянского, конфликт в Карабахе долгие годы был первостепенной, стержневой проблемой. Знаковые отставки и назначения происходили под влиянием конфликтной динамики. Сохранился ли этот «карабахский детерминизм» после завершения противостояния в ноябре 2020 года?

Позиции действующей власти в Азербайджане выглядят прочными. Она не сталкивается с серьезной внутриполитической конкуренцией и устойчива к рискам. Война укрепила позиции президента Ильхама Алиева. В западных медиа и экспертных кругах распространено мнение о том, что азербайджанская оппозиция, критикующая власть за авторитарные поползновения, настроена более конструктивно в карабахском вопросе. Здесь можно говорить, если не о полном национальном консенсусе, то о единстве взглядов по поводу принадлежности Карабаха. Даже яркие политические эмигранты (например, супруги Юнусовы в Нидерландах), в целом жестко критикующие официальный Баку, поддерживают азербайджанскую территориальную целостность.

Во многом решение Алиева начать военные действия в сентябре 2020 года было продиктовано массовыми общественными акциями в июле того же года. Они были спровоцированы военными инцидентами на армяно-азербайджанской границе и беспрецедентными потерями высшего командного состава республики (погибли генерал-майор и полковник вооруженных сил Азербайджана). Участники протестных акций требовали объявления мобилизации, сворачивания антиковидных ограничений ради пополнения армии и организации достойного ответа Армении. Это «пробуждение улицы» показало Алиеву, что авторитаризм возможен во всем кроме уступок Еревану.

Сегодня президент Азербайджана в целом воспринимается, как политик, решившийся на возвращение отторгнутых земель и добившийся успеха в этом начинании. В то же время в блогах и социальных сетях говорится о том, что Алиев не добился полной победы, не взял Ханкенди (армянское название – Степанакерт).

И если оппозиционная реакция и будет выстраиваться вокруг какой-то идеи, то этой идеей станет «незавершенная победа». Как следствие, Алиев говорит о том, что конфликт завершен, осталось только экономическое восстановление и заключение мира с Арменией. Вопрос о статусе Карабаха им решительно отвергается. По его мнению, тема закрыта. Он не раз он говорил, что Карабах может войти в состав Азербайджана просто, как обычный регион.

Прочные позиции Ильхама Алиева невозможно объяснить исключительно его авторитарной политикой. Укреплению азербайджанской власти значительно «помогла» слабость и разрозненность оппозиции, ее неспособность выставить по-настоящему сильных кандидатов, отсутствие серьезных альтернативных программ развития страны. Традиционно на руку властям играет и негативная память населения о кратковременном периоде правления «Народного фронта Азербайджана» (НФА) во главе с Абульфазом Эльчибеем в начале 1990-х годов, с которым ассоциируются сегодняшние критики власти. Этот период в массовом сознании связан с хаосом, деградацией управления, эскалацией военного конфликта в Нагорном Карабахе.

Внутриполитические аспекты: Армения

Главным политическим событием 2021 года для Армении стали досрочные выборы в Национальное собрание. Чрезвычайная кампания была порождена внутриполитическим кризисом, разразившимся после поражения во второй карабахской войне. Однако в итоге она принесла победу Николу Пашиняну, согласившемуся пойти на беспрецедентные уступки Баку, включая согласие на передачу Шуши.

«Сдача» Карабаха вызвала акции протеста. Они имели два пика: декабрь-2020 и февраль-2021. Но подлинно массовыми эти выступления не стали. Более того, после новогодних праздников сам Пашинян перешел в контратаку, инициировал митинги собственной поддержки, активизировал поездки в регионы и контакты со СМИ. Сложилась парадоксальная ситуация. За отставку премьера и правительства после ноября 2020 года высказались президент Армен Саркисян, Католикос всех армян Гарегин II, представители Национальной академии наук, видные оппозиционные политики, бывшие руководители страны. В южных марзах (областях) Сюник и Гехаркуник недовольство политикой Пашиняна высказывали и руководители муниципального уровня. Однако это не пошатнуло его позиций. Партия Пашиняна «Гражданский договор» не просто получила 53,91%, но и смогла самостоятельно сформировать однородное правительство. Сам же политик был

без особых проблем был переизбран премьер-министром. Попытки оппозиции оспорить итоги голосования в Конституционном суде также не увенчались успехом.

Причины электорального успеха партии «Гражданский договор» многоплановы. Отчасти, это пресловутый «административный ресурс». Формально уйдя в отставку, Пашинян сохранил контроль над правительством и парламентом. Но только этим все не ограничивается. Армянское общество устало от войны и карабахского конфликта. И потому Пашинян выиграл кампанию даже на юге страны, где на глазах армянских избирателей разворачивается новый конфликт с Баку по поводу пограничного размежевания. Именно на этом направлении руководство Азербайжана планирует строить железную и автомобильную дороги между основной территорией страны и нахичеванским эксклавом. В области Сюник за «Гражданский договор» проголосовало 53,51% избирателей (27,50% за «Армению» и 2,76% за «Честь имею»). В области Гехаркуник эти показатели еще выше (65,93% за «Гражданский договор», 14,42% за «Армению» и 4,25% за «Честь имею»).

Активные поездки по стране, популистская риторика, эксплуатация опасности новых военных эскалаций возымели результат. Очень высокий уровень электоральной поддержки «Гражданский договор» получил в области Ширак (около 65,22%), хотя именно ее уроженцы – солдаты армянской армии – в декабре 2020 года были взяты в плен азербайджанскими военными. Пашинян выстроил кампанию так, чтобы она выглядела, как столкновение его сторонников с «бывшими». Кочаряна и других он представил, как рвущихся во власть реваншистов. При этом ставка была сделана на жителей села и малых городов. Именно эти люди в массе своей получили избавление от постсоветских руководителей, ставших реальными хозяевами армянских регионов после 1991 года. Пашинян чаще других совершал региональные турне, эксплуатировал образ «простого парня» (сам он родился в Иджеване), всячески подчеркивал свое нестоличные происхождение.

Свою роль сыграло и позитивное отношение ключевых внешних игроков к пролонгации пребывания Пашиняна у власти. Для РФ именно он гарант реализации договоренностей от 10 ноября 2020 года и 11 января 2021 года по достижению мира в Карабахе. Для Турции и Азербайджана он более предсказуем, чем Кочарян, которого в Баку называют «военным преступником» и «националистом». Для США и Франции он уже привычный партнер.

«Ложкой дегтя» для армянских властей стали местные выборы 17 октября 2021 года. Партия Пашиняна проиграла выборы в трех из шести общин: в Гюмри, Горисе и Мегри. И если Гюмри имеет неформальный статус «северной столицы» Армении, то Горис и Мегри после завершения второй карабахской войны оказались в фокусе внимания в связи с актуализировавшимися демаркацией и делимитацией армяно-азербайджанской границы. Впрочем, во всех трех муниципалитетах властная партия сохраняет значительное представительство в местных Советах старейшин (законодательных органах власти), а оппозиция на местах, как правило, несколько оторвана от общенациональной оппозиции.

Россия – главный медиатор

После возобновления боевых действий в Нагорном Карабахе в конце сентября 2020 года одним из главных вопросов было то, как на происходящее отреагирует Россия. Чем дальше, тем больше удивления вызывало сдержанное отношение Москвы к полыхающему конфликту – особенно на контрасте с ее поведением во время украинского кризиса или войны с Грузией. На пятый день боев известный британский кавказовед, главный редактор журнала The Caucasus Survey Лоренс Броерс написал в своем твиттере: «Где же Россия?». Еще через несколько дней Нику Попеску, тогда директор программы «Большая Европа» Европейского совета по международным отношениям, тоже недоумевал, почему Россия, потратившая столько сил на выстраивание образа великой державы и надежного союзника, не спешит поддерживать Армению. И действительно, на протяжении нескольких недель переговоры Москвы с Ереваном и Баку выглядели не слишком эффективными. Однако наступило 10 ноября 2020 года, и именно Россия оказалась главным локомотивом совместного заявления о прекращении огня, после которого стрелять действительно перестали, а российские миротворцы выдвинулись на новую линию соприкосновения сторон.

Для Москвы прошлогодняя война ознаменовалась значительным усложнением ее кавказской региональной повестки. До 2020 года она была ключевым модератором в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном. Этому не мешали ни США с ЕС, ни Турция с Ираном. Для Запада российская политика на карабахском направлении не была связана с «ревизионизмом» (апробированным в Абхазии, Южной Осетии и Крыму). Однако в ноябре 2020 года положение дел изменилось. *Во-первых*, свои позиции укрепила Турция. Она показала себя самостоятельным игроком, не склонным сверять ни с кем свои действия. Будучи членом НАТО, на Кавказе Турция вела себя как самодостаточный игрок, реализующий свои национальные интересы, а не некие интеграционные цели и

задачи. *Во-вторых*, Азербайджан сломал прежний статус-кво сам, без одобрения России. *В-третьих*, Армения, стратегический союзник Москвы, была разгромлена и принуждена к принятию унизительных уступок.

Однако именно Москва не позволила Баку полностью уничтожить инфраструктуру непризнанной НКР, разместив своих миротворцев в зоне конфликта. И при этом не пустила Турцию к участию в совместной операции. Конфликт 2020 года не привел и к дополнительным всплескам конфронтации с Западом. Более того, два сопредседателя Минской группы ОБСЕ (США и Франция) по факту согласились и с российской миссией в Карабахе, и с особой ролью Москвы в послевоенном мирном урегулировании. В противном случае легитимность самой Минской группы оказалась бы под вопросом.

Таким образом, Москва утратила монополию на геополитическое лидерство на Кавказе. Теперь она в большей степени должна учитывать интересы и мнение Турции. В то же время ситуация вокруг Карабаха стала связанной с Сирией, где Москва и Анкара также вынуждены взаимодействовать, не имея при этом полностью идентичных позиций. И у России появляется возможность использовать свои сирийские ресурсы для давления на позиции Анкары на Кавказе. Впрочем, есть вероятность такого алгоритма действий и со стороны Турции. Тем не менее, Армения и Азербайджан готовы к эксклюзивной роли Москвы в урегулировании противостояния. По факту трехсторонний формат (Путин-Алиев-Пашинян) оставил в тени Минскую группу ОБСЕ.

Сейчас только два документа (совместные заявления лидеров РФ, Азербайджана и Армении от 10 ноября 2020 года и 11 января 2021 года) определяют контуры послевоенного статус-кво. И в обоих случаях Москва эксклюзивно вовлечена в процесс их имплементации. Ни Запад, ни Турция не имеют такой возможности. Позиция России в Карабахе и вокруг него сильно отличается от абхазского и югоосетинского кейсов. Получилось так, что Москва не выбирает между Ереваном и Баку, и ее до сих пор не ставят в позицию жесткого выбора. Как следствие – балансирование, лавирование и вмешательство, но не в формате военных операций, а активного дипломатического участия.

Сегодня Москва ставит на разблокирование транспортных коммуникаций как на способ неполитического (прагматического) втягивания Баку и Еревана в мирный процесс. Вопросы статуса Карабаха Россией не педалируются, но в то же время Кремль показывает, что не заинтересован в его силовом и форсированном

решении. Согласно заявлениям высших должностных лиц РФ (Владимир Путин, Сергей Лавров), проблема статуса может быть решена в будущем на взаимовыгодной и компромиссной основе.

Выводы

Таким образом, главнейшим итогом военных действий прошлого года можно считать то, что Кавказ стал менее стабильным и предсказуемым регионом. Усилилась его связка с турбулентным Ближним Востоком с учетом более активного вовлечения в региональную повестку Турции и возможного влияния сирийской динамики на карабахскую (и наоборот). В обозримой перспективе ситуация будет оставаться стабильно нестабильной. Азербайджан всеми силами и в рекордные сроки будет реинтегрировать ранее потерянные территории. Это будет тем легче сделать, что на них нет иноэтничного населения. Будучи для армянской стороны «поясом безопасности», они пребывали в запустении, их развитие Еревану не было интересно. Значит, в будущем Баку сможет демонстрировать миру новые аэропорты, автовокзалы, инвестиционные проекты. Исключением в этом контексте являются Шуша и районы, входившие в состав непризнанной НКР. Но армянское население их покинуло, и потому в их интеграции для Баку также особых проблем не возникнет.

Баку, при поддержке Анкары, продолжит оказывать давление на Армению, сочетая различные военные демонстрации с призывами к миру. На «мирном треке» у Анкары будет преимущество, так как ей нет необходимости разрешать проблемы статуса Карабаха или демаркировать участки совместной границы. Россия будет стремиться удержать баланс, пытаясь сохранить свое влияние и на Ереван, и на Баку. Однако при приближении к ноябрю 2025 года (истекает срок миротворческой миссии России на карабахской земле), коллизии в отношениях РФ с Азербайджаном и опосредовано с Турцией могут усилиться. Если Москва выступает за сложный всеобъемлющий компромисс, то Баку и Анкара хотят скорее закрыть карабахский кейс и полностью интегрировать то, что осталось от прежней НКР, в состав азербайджанского государства. Уже сейчас отдельные депутаты, правозащитники и блоггеры говорят о необходимости быстро завершить миротворческую операцию. Но очевидно, что Москва избегает скороспелых решений. Есть основания полагать, что, учитывая негативный опыт Тбилиси в начале 2000-х годов, азербайджанские власти не будут делать из российского присутствия в Карабахе главный проблемный узел в двусторонних отношениях.

1. Подробнее см.: Буря на Кавказе. Под ред. Р.Н.Пухова. М., Центр анализа стратегий и технологий. 2021. 128 с.

2. Абасов А.С., Хачатрян А.Т. Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность. М. Международные отношения. 2004. 61 с.

Сергей Маркедонов
Ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России; главный редактор, журнал «Международная аналитика»; член Экспертного Совета «Минского диалога»